

Амми Кимкейд

ТОННЫ ОБЛАКОВ

A silhouette of a person standing in a field, holding up a bunch of colorful balloons. The background is a dramatic sunset or sunrise sky with warm orange and yellow tones and scattered clouds. The person's head is tilted back, and their arm is raised high.

РАСХОЖЕЙ ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ ЕДИНИЦЕЙ ВЕСА
ОБЛАКОВ МОЖНО СЧИТАТЬ ВЕС СЛОНА.
СОГЛАСНО ИССЛЕДОВАНИЯМ, ОДНО ПЕРИСТОЕ
ОБЛАКО ВЕСИТ ОКОЛО СТА СЛОНОВ, А ЭТО
В СРЕДНЕМ ВОСЕМЬСОТ ТОНН.

Амми Кимкейд Тонны облаков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349297

ISBN 9785448585296

Аннотация

Когда Амми появилась на свет, ему уже было шестнадцать лет. Почему вдруг судьба распорядилась так, и им не дано было родиться в одно время? В один и тот же момент Ваксфлауэр искал спутницу жизни, а Амми искала смысл этой жизни. Они начинают путь вместе. Девушка конфликтует со своими родными, которые против этого союза. Только обдуманый подход может ей помочь, и этот подход знает Ваксфлауэр. Возможно, им всё-таки суждено вдвоём познать ту любовь, которую они тайно называют: любовь-забота...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Тонны облаков

Амми Кимкейд

© Амми Кимкейд, 2017

ISBN 978-5-4485-8529-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тебе о тебе

«Вся моя Любовь обрела всю серьёзность и полноту осознанности. Эта Любовь непредсказуема, потому что безгранична. Но она не несёт в себе опасность.

Сейчас мне рисуется вот такая картина. Эта любовь похожа вот на что.

Если взять отдельную веточку, сочную-свежую-зелёную, а лучше не брать, а просто смотреть на неё... И вот в этом поле сухой травы эта веточка. А на ней время от времени вырастают самые различные цветы...

Только представить! Какая бы это была красота! Нет никакого периода между цветами, чтоб они выросли. Они просто растут сами по себе. Им так хочется. Хоть веточка, основа, стебель потеряют свою энергию, вырастив цветочек, но и она же через цветочек будет питаться Солнцем, его энергией, энергией пчёл и бабочек...

И это нескончаемый процесс дара тем, кто готов его принимать... Я готова отдать всю себя Ваксфлауэру, а Ваксфлауэр готов принять!»

«Нет истины, где нет любви»

Перенесёмся в 1997 год. Где-то в маленьком городишке, в какой-то квартире два человека решили заняться сексом. Точнее, они даже не решали. Это получилось само собой. Могу предположить, что мужчина хотел больше, чем женщина. Процесс длился не больше десяти минут. Вряд ли эти двое были в высокой любви друг к другу (в любви-заботе – так я её называю). Но тем не менее так получилась я. Это произошло где-то в начале февраля – в конце января. Хотелось бы думать, что двадцать седьмого числа. Почему бы и нет?

Ноябрь. Вчера мне исполнилось шестнадцать. Солнце было ярким, но не жарким. Можно ощущать тепло лучей только лицом. Море. Большое, сливающееся с небом, края не видать. Стоит девочка и улыбается, смотря не на небо, не в море, не на песок под ногами, не даже неопределённым взглядом вдаль – она смотрит вглубь себя, и знает об этом только она сама. Да, я смотрела в самую глубину, и нашла там невероятную мысль! Человек за спиной – обычный с виду – совершенно необычный для меня. Он тот, с кем я действительно хочу быть. Тот самый... Можно даже сказать, что эта мысль лежала на поверхности, но долго до меня не доходила,

потому что я искала её не там.

Много было переломных моментов в моей жизни, но этот какой-то особый, потому что я почувствовала хоть какую-то определённую. До этого момента в моем обозримом будущем просто была пустота вместо прекрасного счастливого будущего, как у всех... Или страшная чёрная дыра, которая затягивала меня всё больше и больше. Кажется, я дошла до того, что просто кричала из этой дыры во всю глотку о том, что хочу помощи, мне нужен хоть какой-то знак, или что там мне ещё могло помочь... И тут появился Он. Похоже на какую-то сказку о прекрасном принце, но, уж поверьте мне, когда живёшь в этом – мечтаешь о сказке, а её всё нет и нет... Только во снах, и даже не в своих.

Всё немного перемешивается в голове, что-то вовсе уходит. А что-то растворяется в другом, и ты уже не знаешь, как отличить одно от другого. Так происходит у меня сейчас, хотя до какого-то периода я была уверена, что такая беда обойдёт меня стороной, и что записной книжкой меня называют не просто так, а именно потому, что я всё-всё помню...

Моё спасение – дневники. Я писала их много и часто. Даже сложно было привыкать к новой тетради, потому что одна сменяла другую слишком быстро. Но я с большим удовольствием выбирала себе жертву – ту обложку с листочками, которая станет моим слушателем хоть ненадолго. Однако дневник может оказаться врагом, если внезапно попадает

не в те руки. Об этом позднее.

Обстоятельства, при которых Он появился в моей жизни, на первый взгляд, оказались самыми необычными. А может, и не могло быть по-другому? Просто слишком малы шансы именно на такой исход событий, который мы получили.

Итак, лето 2013 года. Мне было тогда пятнадцать лет, я заканчивала девятый класс. Мы сдавали первые в жизни серьёзные экзамены. Много переживаний и неопределённости. А чёрная дыра, о которой я писала, затягивала всё больше и больше. От этого страх увеличивался, а моральных сил становилось всё меньше. Я была на грани того, чтобы согласиться на всё, на что уговаривала меня мама, именно потому, что заканчивались силы сопротивляться. Она требовала, чтобы я бросила школу и пошла в колледж, но я этого не хотела, поскольку у меня был хороший потенциал. Я могла окончить школу на отлично и поступить в престижный институт, учиться на врача, к примеру.

Мне очень хорошо запомнился день 13 июня. Чтобы вы хоть немного понимали способности моей памяти, скажу, что некоторые события, как вот это, например, я помню чуть ли не до минут и секунд. И дневники мне тут совершенно не нужны. Просто это выбито на каменной стене памяти у меня в голове.

Я сижу за письменным столом, смотрю в окно. Ветра нет, жара. Листья дикого плетущегося винограда перед окном

совершенно не шевелятся, тени от них также неподвижны. На небе ни облачка, только голубая бездна, блеклая от зноя и пыли в воздухе. Зазвонил телефон. Я говорила с мамой совсем недолго, но затем был звонок моей подруге Юкке. Он просто необходим, когда речь идёт о таких чрезвычайно важных делах! Хотя маме я уже дала согласие, нужно было, чтобы подруга одобрила моё решение. Минуту назад мама предложила поездку в детский лагерь, упоминая, что эта поездка последняя, поскольку заканчивалось уже моё детство. Я не раздумывая согласилась. При этом не было каких-то восторженных речей или долгого молчания, я просто произнесла: «Давай», будто в ту минуту, в тот день, сидя за тем столом, я была в ожидании этого предложения. Только потом появились сомнения, развеять которые могла Юкка. Я вдруг вспомнила, что у меня есть возлюбленный, и как же можно его бросить на три недели... Но значит, всё это было не так важно, раз он не всегда в моей голове. Да и любила я его месяц с небольшим. Хотя по тем временам это большие сроки!

Решено, еду 23 июня в лагерь. Не помню, как отреагировал Озотамнус, но он не мог мне запретить. Никто не мог. Тем более, через три недели я вернусь, и мы снова будем сидеть на лавочках и целоваться. Что может случиться за это время? Ведь мы любим друг друга уже месяц с небольшим... Озотамнус появился в моей жизни шестого мая. В тот

день я стояла на остановке и ждала автобус – возвращалась домой после занятия по гитаре. Гитара висела у меня на левом плече, как всегда, а в ушах были наушники. Я выискиваю из-за деревьев и машин автобус, весь мир наполнен группой Breaking Benjamin (песня не запомнилась), и тут с правой стороны вплотную передо мной появляется лицо. Я чуть вздрогнула, вытащила наушники – парень улыбнулся. В общем, он сразу заговорил про музыку, будто это было так важно, и предложил мне поехать домой на такси. Вроде не было страшно, это же такси. Но кажется, я бы и в машину к нему села – его вид вызывал сильное доверие, а точнее улыбка и глаза... Очень необычные глаза. Таких зелёных мне больше не доводилось увидеть. В общем, он отвёз меня на такси туда, куда я сказала. Озотамнус сидел на переднем сидении, я позади него, он часто поглядывал на меня и выглядел очень мило из-за этого. Не помню, как мы обменялись номерами, но на следующее утро я уже получила от него SMS. Выскочив из машины, и тут же позвонив Юкке, я рассказала о случившемся, мы вместе посмеялись. А девятого мая в центре нашего города N у меня с Озотамнусом было уже маленькое свидание. Мы тогда как-то много говорили на важные для меня темы. Говорили, что идеального в мире нет, и что это даже хорошо, потому что всегда есть к чему стремиться... Мне было пятнадцать, а ему, выходит, семнадцать. Озотамнус заканчивал школу, готовился к экзаменам. Мы встретились в районе моей музыкальной школы, потому

что он как раз возвращался домой от репетитора.

Почему-то незадолго до этого знакомства я решила для себя, что нужно несколько иначе относиться к отношениям с парнями. Парней у меня, может, было не так и много, но всё это было так безответственно и наивно... Скорее так происходило потому, что я росла без отца, и в принципе не понимала мужскую природу, несмотря на то, что в одном доме со мной всегда жил брат на четыре года старше меня. Я как будто бросалась на этих парней с руками и ногами, крепко-крепко вцепившись, лишь бы что-то мужское было в моей жизни, а потом много страдала, когда приходилось отцепляться. При этом по-настоящему я ещё ни от одного не отцепилась – каждый живёт в моём сознании, и часто моё сознание ведёт диалог то с одним, то с другим... И кажется, что эти разговоры никогда не прекратятся, просто потому, что каждому я бы ещё хотела что-то высказать, но их уже нет в моей жизни.

Мне хотелось приостановить свои порывы и начать трезво смотреть на парней, на это их мужское, тем самым сберечь своё женское. Моим убеждением стало – что ненормально целоваться с парнем в первое же свидание, ненормально вообще даже касаться друг друга... Только случайно, только мимолётно. Просто я стала терять какую-то святость отношений в целом. Всё шло по одному сценарию, который ужасно угнетал меня. Возможно, всё это звучит слишком неод-

нозначно. Но я пишу так, как чувствую.

Вы можете посмеяться, но первый наш поцелуй с Озотам-нусом был уже 17 мая, то есть после десяти дней нашего знакомства. Поверьте, я держалась, как могла. Даже боролась. Но это случилось. И я даже не помню, как именно. Придётся обратиться к своим дневникам.

В дневнике лишь маленькая заметка об этом событии, что очень странно, поэтому мне всё равно не удаётся вспомнить. Бывает, что некоторые вещи долго помнишь, потом какие-то подробности стираются, вот ты уже начинаешь произвольно фантазировать, и правдой становится то, чего не было на самом деле. Поэтому я не смогу даже примерно припомнить тот день 17 мая. Просто это было, и всё. Вот что написано в дневнике:

«Смысл был в том, что он хотел поцеловать меня, да и я его тоже, но я не хотела торопиться... И ранее я ему сказала: „Когда это произойдёт, мы станем парнем и девушкой...“ И вот в тот вечер я решила ему сказать, что вроде как хочу, но не уверена... Он говорил: „Если не уверена, то лучше не надо“. Тут я вроде потянулась к нему, но сразу передумала. Мы стояли близко-близко друг к другу на аллее недалеко от школы. Тут я рассуждаю вслух: „А ты знаешь, сегодня ведь 17 число... Конечно, вообще-то разницы нет – 17 или 27...“ И тут он поцеловал меня».

Хочу пояснить, что до этого обсуждала с Озотамнусом, как помешана на числах. И что число 27 для меня просто какое-то судьбоносное... Такое ощущение, что я просто сама для себя прикрывалась мыслью, что не хочу торопиться... Просто мне хотелось, чтобы в наших отношениях было что-то важное, которое случится именно в день 27 числа. Какой бред.

Люблю время сборов в лагерь. Такая приятная суета, знаете! Думаешь, какое платье лучше будет смотреться на дискотеке, в чём будет удобнее спать, какие серёжки лучше положить, или положить все сразу... Самое страшное – что-то забыть. И самое интересное, сколько денег мама даст тебе в дорогу. Из этого следует – купишь ты ей сувенир, или нет.

Утро 23 июня было волнительным. Мама вместе с братом проводила меня прямо до автобуса. В какой-то момент мы сидели на лавочке, и мама сорвала красный листик с деревца. У дерева все листья такого цвета. Этот листочек я взяла с собой – положила в дневник. А обратно маме привезла пёрышко, которое нашла в лагере по пути в столовую.

Это был мой четвёртый лагерь. Но он отличался тем, что я поехала одна, без брата. Обычно мы ездили вместе. Понятно, что были в разных отрядах, но хоть иногда мы виделись, и это как-то подбадривало – увидеть знакомое лицо в совершенно чужом месте, которое через три недели каким-то чудом становится настолько родным, что ты абсолютно не хо-

чешь уезжать.

От моего города N до лагеря Q, как и до всех лагерей, в которых я была, на автобусе ехать примерно три часа. Просто сидишь и смотришь в окно. В основном открывается вид на поля и чистое летнее небо. Подсолнухи. Они больше всего запомнились мне в этих недолгих поездках. Такие жёлтые, яркие, все повёрнуты в одну сторону, все хотят питаться энергией солнечных лучей. Иногда можно увидеть, как один какой-нибудь подсолнушек опустился к земле. Кажется, что просто рядом с высокими растениями он не получает достаточное количество солнечного света, и от этого увядает. Но нет, просто он другой, не такой, как все. Так вот, когда я видела подобную картину, чувствовала, что в обществе, в своём окружении, я как этот подсолнух – не такая, как все. Но меня это не угнетало, даже как-то радовало и воодушевляло.

Каждый раз ты не знаешь, чего ожидать от нового лагеря. Либо там будет классно, либо крайне ужасно... Другого быть не может! Так вот, лагерь Q я сразу полюбила. Всё в нём, на мой взгляд, было идеально. Хотя, конечно, первые три дня всё равно невероятно хочется домой – потом привыкаешь.

Я думаю, что вам не очень интересно, что делала пятнадцатилетняя девочка в детском лагере... Намного интереснее то, что с ней произошло.

В начале июля (то есть в Q я уже была больше недели) мне приходилось часто наблюдать за одним парнем, который, как я потом узнала, работал там психологом. Это был молодой человек невысокого роста, достаточно худой, но со спортивным телом, всегда в опрятной одежде и, что больше всего забавляло, с рюкзаком за плечами. Единственный на всей территории. Когда я узнала, что он психолог, решила, что мне нужна его помощь. У меня была небольшая депрессия из-за Озотамнуса. Мы не так часто говорили по телефону, потому что лагерная жизнь отвлекала каждую минуту. Поэтому он был недоволен, и это угнетало меня. Именно об этом хотелось поговорить.

Поскольку в лагере дни особо не считаешь, я не запомнила число... Но предположительно: 5 июля. Вечер. Дискотека. Он стоял возле сцены. Один. Я долго колебалась, но всё же подошла. Буквально первые две минуты мы общались на «вы», потом перешли просто на «ты». Хотя мне было немного сложно. Я не такая уж смелая. Было страшно. Совершенно незнакомый человек. И вот мы уже уходим от толпы, я уже что-то говорю... Говорили мы много, но недолго – в какой-то момент нужно было возвращаться к отряду.

Как вы могли уже понять, это именно Он. Ваксфлауэр. Так мы познакомились. В день 5 июля 2013 года. Я подошла к нему в этой Вселенной, на планете Земля, в лагере Q.

На следующий день, или через день, мы говорили сно-

ва. Но это уже не был разговор между психологом и девочкой в депрессии. Мы начали узнавать друг друга. Обсуждали книги и фильмы. В какой-то момент я заметила, что Ваксфлауэр стал немного нервничать... И тогда он рассказал мне с большим трепетом свой сон, который ему приснился в ночь после нашего знакомства. В этом сне он увидел, как пришёл со мной в гости к своей бабушке и сказал ей, что я его невеста. Это было так странно и необычно. Уже в тот вечер мы могли говорить такие откровенные вещи. И в этот вечер у меня появился его номер телефона. Мы приходили на одну и ту же лавочку на спортивной площадке. Сиделись друг напротив друга на лавочку верхом, будто это конь, и говорили, говорили, говорили... В Его глаза я почти не смотрела. Ужасно стеснялась. Но иногда Ваксфлауэр подталкивал меня на эти взгляды. Разобрать само выражение лица в сумерках было сложно, но мне кажется, глаза у нас горели.

Я узнала, что ему тридцать один год, что день рождения у него 27 сентября (!), что он живёт один, работает программистом, но через месяц бросит эту работу и станет свободно заниматься психологией, работать в любимой профессии. Живёт в городе Т, и я была в этом городе... двести километров от моего города N.

Ваксфлауэр совсем не выглядит на свои годы. Но мне кажется, если б я изначально знала возраст – меня бы это не остановило, несмотря на то, что мне было всего лишь пят-

надцать.

Вечером 12 июля на праздничной дискотеке в честь закрытия смены я пригласила Ваксфлауэра на медленный танец. Как я потом узнала, для него это было так неожиданно и само по себе очень волнительно. Он тогда сказал, что уже очень давно ни с кем не танцевал. А мне хотелось, чтобы это не заканчивалось... Мне нравилось, что он был рядом, мне было с ним спокойно. Я не выкидывала его из головы, когда он был со мной, и когда был далеко. Словом, я влюблялась. Но это не было похоже на то, что у меня уже было до этого... Возможно, потому, что сам Ваксфлауэр уже взрослый, и рядом с ним как-то по-другому смотришь на вещи. Или же рядом с ним я чувствовала себя такой, какой хотела быть уже давно – свободной в своих словах и мыслях.

В последнюю ночь в Q я написала первую SMS Ваксфлауэру... Что-то вроде: «Не знаю, почему, но захотелось пожелать тебе спокойной ночи». В ответ я получила SMS с текстом о том, что он рад читать эти строки, и что мы обязательно спишемся в городах. Утром 14 июля, позвонив ему, я хотела попрощаться, но в лагере его уже не было. А через час мне пришлось снова смотреть на голубое летнее небо и на кучу жёлтых подсолнухов, которые были значительно выше, чем три недели назад. За эту недолгую поездку мне не приходили в голову мысли. Было как-то пусто, но легко.

Часть из того, что со мной происходило в лагере, я рассказывала Юкке. Но какую-то часть затаив в себе, я оставила на-

всегда в глубине себя, и это практически не достать. Просто когда рассказываешь что-то – переживаешь это снова, и оно ярче отпечатывается в твоей памяти. А то, что не высказано – уже никогда не высказать. Поэтому я достаточно мало помню какие-то подробности. И от этого становится немного грустно. Потому что прошло почти четыре года... А что же тогда будет через десять лет? Начинаю понимать, что пишу книгу, чтобы не забыть. Но зачем? Почему иногда так хочется зацепиться за прошлое? Наверное, если бы не было этого прошлого, то не было бы меня. Прошлое создаёт живого человека. И только мёртвые уже не имеют прошлого. Их просто нет. У них может быть будущее. О них могут вспоминать и говорить о них... Могут слушать их песни, читать их стихи. Но они никогда больше не проживут ещё одну минутку, чтобы она тут же стала их прошлым.

Как-то даже не по себе от этой мысли. Кажется, что я не полностью живу и из-за этого потихоньку исчезаю...

Когда я возвращалась домой, меня уже мало что там ждало. То, к чему я хотела вернуться, было уже в другом месте. Хотя три недели назад для меня этого попросту не существовало... Я даже не сообщила Озотамнусу, что вернулась. В моей голове, конечно, была мысль, что тем самым мы точно расстанемся, но это было сделано осознанно. К тому же то, что меня мучило больше всего, теперь так не тревожило, потому что Ваксфлауэр убедил меня, что много мыслей в голове – это очень даже хорошо. Просто большинство лю-

дей не хотят много думать и тем более не хотят, чтобы это делали другие.

В июле 2011 года, когда мне было тринадцать лет, я впервые в жизни начала встречаться с парнем. Все это было совсем по-детски, но не у меня... Я постоянно старалась придать всему смысл: любому взгляду, движению, ощущению... Когда начала делиться этим с парнем, он только отвечал: «Будешь много думать – морщинки на лбу появятся». И все мои мысли уходили в небытие, а бешенству не было предела... Это как мальчику ещё до пятнадцати лет так промыли мозги, и самое интересное – кто, чтобы он девочке в тринадцать лет говорил про морщинки на лбу? В общем, это было начало, но не конец... Примерно то же самое мне приходилось слышать от одноклассников в школе, может, даже раньше. В общем, я частенько слышала это от людей вокруг. Конечно, тогда я замыкалась в себе, могла молчать часами, думая только про себя, а при этом в голове рождались мысли: «А может, я ненормальная? Может, мне не стоит так копать в вещах и устраивать себе проблемы?» Никто не мог ответить мне на эти вопросы. Я жила с ними несколько лет, всё больше и больше решаясь заставить себя не углубляться в суть вещей. И только Ваксфлауэр дал мне понять, что все должно быть именно так. Что обязательно нужно много думать о чём-то, чтобы прийти до истины, и что истина – это самое главное во всём. Ваксфлауэр ещё говорил, что сам

прошёл через это, что порой он не мог найти себе собеседника в свои пятнадцать лет, и что иногда ему приходилось нелегко, так же как и мне... Ведь много печали появляется в душе, когда говоришь и знаешь, что человек тебя не слушает, не понимает, не хочет понять... Я стала замечать, что у меня и у Него есть что-то общее. Ваксфлауэр тоже начал это видеть... А сейчас мы уже столько общего обнаружили, что до сих пор удивляемся!

Сегодня утром писали цели на жизнь. Мы пишем их каждый день, чтобы сконцентрироваться на важном и позитивном. Чаще всего зачитываем друг другу вслух. Так вот, оказалось, что сегодня оба написали об унынии, и что нужно избавляться от него... Это к слову о совпадениях нашего внутреннего мира. Вдруг в одной квартире в одной комнате двое разных людей в одно и то же время подумали об одном и том же.

Вернувшись домой из лагеря, я думала вот о чём: мне хотелось скорее увидеть Его снова. И ведь это не так просто, поскольку мы живём в разных городах на расстоянии двухсот километров. В городе Т я была не просто так. Там живут далёкие родственники нашей семьи. Иногда я приезжала в гости, и мне вполне было чем заняться там, потому что была отличная компания в виде девочки по имени Нолина, моей сверстницы. У нас с Нолиной было что-то общее, так

что мы легко находили темы для разговоров и чем вместе заняться. Но почему-то на расстоянии практически не общались, хотя ни меня, ни её это не тревожило. В общем, я решила, что мне срочно нужно в гости к родственникам в городе Т. Маме пришлось объяснить какую-то ерунду, что мне скучно, что лето на исходе, и что мне обязательно нужно поехать... Было сложнее объяснить маме Нолины, куда я собираюсь идти в незнакомом городе с каким-то парнем, которого так мало знаю (о возрасте, конечно, не сообщила). Тем не менее это случилось. Но Нолина узнала мою историю без всяких утаек. Мы договорились, что я буду периодически отправлять ей SMS о том, что всё со мной в порядке. Это была излишняя мера предосторожности, но действительно так и было.

Итак, 26 июля в городе Т мы встретились снова. Боже, как я нервничала... Ужасно переживала из-за своего внешнего вида. Тогда я надела лучшее, что у меня было: новые джинсовые шорты, которые купила перед отправкой в лагерь, и полосатую маечку с тоненькими бретельками. На ногах – чёрные босоножки. Почему-то заплела косичку набок, хотя волосы у меня были чуть ниже плеч – можно было бы оставить распущенными. Но косичка мне очень даже шла! К тому же я долго ждала момента, когда смогу уже хоть что-нибудь заплести на своих волосах... О месте и времени встречи с Ваксфлауэром я договорилась заранее. Но когда пришло время выходить из дома, я решила позвонить ему,

чтобы убедиться, что ничего не изменилось... Не дозвонившись, я вышла из дома, нервничая ещё больше. Было как-то не по себе – идти в неизвестность. Ведь я по-настоящему даже не знала куда иду. Мне просто объяснили на словах, как идти до Набережной, и что ничего там сложного нет... Но всё равно было страшновато. Тем более начинало даже темнеть, или мне так казалось из-за моего внутреннего страха, потому что наверняка были летние семь часов вечера, а значит – совсем светло! Дойдя почти до места, я ответила на звонок от Ваксфлауэра. На этот долгожданный звонок! Он сообщил, что в пути, и что приедет ко мне на велосипеде.

Это меня, несомненно, подбодрило! Я дошла до памятника, возле которого должна была повернуть налево и спуститься вниз по лестнице к Набережной. Вид открывался потрясающий! Зелёная трава, тенёк от небольших деревьев, таких же зелёных, тонкая полоса песка, а дальше – море, бескрайнее, сливающееся с небом. Когда видишь подобную картину и восторгаешься, все люди вокруг кажутся счастливыми. Но на самом деле по-настоящему счастливых так просто на улице не встретишь. Думается, что это от того, что никто особо даже не знает, что это такое – быть счастливым.

Хочу рассказать тебе, читатель, что при всех обстоятельствах мой приезд в город Т был лучшим исходом, но, если бы потребовалось, Ваксфлауэр приехал бы в мой город, потому что хотел в очередной раз встретиться, так же как и я! Про-

сто добираться на всех этих автобусах и электричках нужно примерно четыре часа. А это означает, что выезжать обратно домой придётся около пяти часов вечера... Поэтому было намного удобнее, что я никуда не спешу... Хотя, конечно, все равно мне было назначено время, до которого необходимо было вернуться.

Вот я вижу Его. Ваксфлауэр подъехал ко мне на велосипеде, не спеша слез с него, и улыбнулся мне настолько тепло, что я до сих пор помню эту его улыбку! В период с 14 июля по сей день (напомню, что это 26 июля) мы много общались по интернету, хотя вот именно по телефону говорили мало. Помню, как Ваксфлауэр делился впечатлениями о лагере. А впечатлений у него было очень много, потому что он давно стремился попасть в такое место, правда, в качестве водителя. Но время шло, и он уже стал психологом. У Ваксфлауэра было что-то вроде идеи фикс – взять ребёнка из детского дома. В лагере были детдомовцы, приехавшие туда на все лето. Ваксфлауэр настолько привязался к некоторым детям, что вот уже был готов кого-то забрать... Писал мне о своих переживаниях, как ездил к детишкам в гости, как они проводили время. А я ведь тоже, пока мы были в Q, ходила к нему на тренинги, знала, как это весело, что тоже хотелось вернуться. До этого мне не приходилось бывать на чём-то подобном. Это было здорово! Я, как пятнадцатилетнее дитя, просто восторгалась! После всех переписок на такие темы нам было легко найти темы для беседы. Я так загоралась

этими разговорами! Ваксфлауэр делился со мной, что готов искать женщину в интернете для того, чтобы завести детей, что он к этому уже готов (до этого момента у него не ладилось с девушками, потому что просто было с ними некомфортно из-за внутренних проблем). Тогда он рассказал мне, что вегетарианец несколько лет, что бросил курить и пить. И все это произошло почти в одно время. Я всему этому поражаюсь, потому что не встречала ещё такого целеустремлённого человека, и, в общем-то, не особо верила, что это возможно вот так просто – один раз решиться и всё! Мы гуляли по Набережной, дойдя до конца и возвращаясь обратно. Потом присели на лавочку. Кстати, в какой-то момент велосипед остался пристёгнутым к заборчику. Мы забрали его потом. Помню, как я смотрела в море и просто наслаждалась этим вечером. Очень хорошо помню, что Ваксфлауэр в какой-то момент на лавочке напел мне какую-то свою песню из детства про ослика. Смысл у этой песенки был бредовым! Тогда я поняла, что приятно вместе смеяться! Когда мы возвращались к моим родственникам (конечно же, он пошёл меня провожать), Ваксфлауэр выразил вслух своё удивление тому, что с девушками иногда очень приятно общаться, и он уже не верил, что такое возможно. Короче говоря, это, безусловно, был комплимент! Но я тогда тоже заметила, что взаимопонимание у нас просто поразительное! В тот вечер Он впервые прикоснулся ко мне (не считая того случая во время танца). Мы переходили дорогу, а на меня нес-

лась машина, которую я совершенно не собиралась замечать. Ваксфлауэр подхватил меня за локоть левой рукой и тем самым приостановил. Вот мы дошли до дома. Шли по той же самой дороге, по которой было страшновато идти одной пару часов назад. Пора было прощаться. Помнится – мы просто улыбнулись друг другу, и я ушла.

Я была с огромным желанием жить. Возможно, кто-то со стороны мог бы сказать, что я счастлива. Не потому, что он видит прекрасную картину природы, и ему так показалось. А именно потому, что так оно и было!

Тогда мне особо не хотелось говорить. Просто это все случилось. В голове был только Он. Вспомнить бы какие-то подробности... Но их уже нет в памяти.

В день моего любимого числа, на следующий день, 27 июля 2013 года мы встретились снова. В тот вечер я надела своё разноцветное платьице – фиолетово-сине-белое, те же чёрные босоножки, вымыла волосы и оставила распущенными. Кажется, второй вечер подряд отпроситься гулять было сложнее, но у меня получилось. К тому же Нолина, кажется, не оставалась в одиночестве, а тоже шла гулять с парнем.

Может, в тот день он встретил меня у дома? Я не помню. Одно лишь знаю точно! Тогда город Т был для меня таким чужим, я понятия не имела: где, что, и в какой стороне... А Ваксфлауэр раньше жил неподалёку от моих родственни-

ков, настолько близко, что в детстве несколько лет проходил мимо их дома, пока не перевёлся в другую школу. Только сейчас я понимаю, что в тот вечер мы прошли прямо мимо его дома. Может, он даже упомянул об этом, но не помню.

Мы шли довольно быстро, потому что времени было мало. Хоть у меня и коротенькие ножки, я успевала идти быстро и даже не уставала. Мне нравилось быстро прогуливаться, да и сейчас нравится! Ваксфлауэр привёл меня в небольшую лесополосу с аллежкой и лавочками. Мы дошли до конца, чтобы найти свободную и сесть. Вокруг было всё зелёное, и оно отражалось в Его глазах. От этого они были зеленее, чем обычно.

Тогда мы решили пройти небольшой эксперимент, о котором договорились заранее, но напомнила о нём я. У меня было умение сказать о чём-то таком необычном, но так, будто это само собой разумеющееся. Сам эксперимент заключался в том, что я как можно дольше должна смотреть в Его глаза. Кажется, я уже упоминала, что у меня были с этим проблемы – не получалось смотреть людям в глаза. Я будто боялась этими взглядами отдать что-то своё, что совершенно не хотела отдавать. И не зря говорят, что глаза – зеркало души. Я боялась открыть свою душу.

Мы сели друг напротив друга. Я, хоть и была в платье, не побоялась раздвинуть ноги и сесть поудобнее. Вот первые пристальные взгляды. Пока очень тяжело. Потом чуть легче. Ваксфлауэр иногда, когда смотрит на что-то пристально,

склоняет голову чуть-чуть набок. От этого смотрится очень таинственно и завораживающе. В какой-то момент Ваксфлауэр предложил усложнить эксперимент, добавив в него прикосновения. Я сразу засмушалась, не представляя, что сейчас будет. Он рассказал о таких доверительных касаниях, в которых человек начинает доверять другому. Он попросил вытянуть мои руки вверх ладонями и тут же положил сверху свои, но немного как бы опираясь на них весом своего тела. Было немного неудобно, тем более из-за того, что нельзя было отрывать взгляд... Потом Ваксфлауэр предложил поменяться. Я положила свои руки на его. Так было удобно. Абсолютно комфортно. И я чувствовала, как доверяюсь ему с каждой секундой все больше и больше... Потом он очень-очень нежно взял мои руки в свои и так ласково погладил... Это было даже как-то волшебно. Не знаю, как вам это ещё описать! Для меня это было волшебно! Затем, как говорится, не в самый подходящий момент, мне позвонили с целью сказать, что уже поздно и пора возвращаться. К тому же я уже долго не отвечала на SMS Нолины. Совсем забыла! В общем, мы поспешили. Было уже совсем темно, а я не отрывала взгляд от Его глаз. Я шла и смотрела... Уже не могла не смотреть. Получился эксперимент с обратным эффектом! По дороге Ваксфлауэр спел песню неизвестного мне исполнителя. Потом я её много раз слушала, так что слова прекрасно помню. «Если бы в тот же миг жизнь мою можно было бы заменить другой, я бы не пошёл за тобой, я бы не по-

шёл за тобой... Наверяд ли только...»¹ Я бы слушала это вечно. Конечно же, в исполнении Ваксфлауэра... В особенности – в тот вечер. Как-то не успела упомянуть ещё, что голос у Него самый приятный, самый нежный. Настолько, что хочется слушать и слушать. Даже когда просто говорит. Я считаю, что мне очень повезло – могу услышать этот голос, когда захочу. Я решила тоже что-то спеть, но у меня это получилось не так хорошо... Просто потому, что я не особо умела петь в свои пятнадцать лет. Выбор песни был такой: «Твоими глазами я видела море, я видела небо, бежала, летела. На свет твоих окон, пролётами лестниц... Хотела быть рядом, хотела, чтоб вместе...»² Почему-то вспомнилась в тот миг именно эта, достаточно грустная песня. Хотя внутри я так себя не чувствовала. Мне было хорошо и легко. Ничто не тяготило меня, кроме того, что возвращаться домой довольно долго, и ноги мои начинали уставать. Наконец мы дошли. Но расставаться мне совсем не хотелось. Я знала, что скоро уеду, и что в этом месяце мы уже точно не увидимся. Снова улыбнувшись и так легко посмотрев в глаза друг другу, мы попрощались, и я ушла.

Не знаю, почему мне вдруг пришла эта мысль в голову, и отчего я так отчётливо её помню... Но на обратном пути я вдруг подумала или даже решила: «Мы обязательно поце-

¹ «За тобой» – Макс Корж (белорусский певец и автор песен). *Здесь и далее примечания автора.*

² «Твоими глазами» – Марина Алиева (русская певица и танцовщица).

луемся...» Это означает, что пятнадцатилетняя девочка задумала поцеловаться с тридцатилетним парнем... И, уж поверьте, она ужасно этого желала и довольно долго ждала.

Вскоре я вернулась домой. Может, даже буквально на следующий день, потому что без Ваксфлауэра в городе Т мне нечего было делать, а гулять с ним всё время я тоже не могла, потому что не обладала особо правами в чужом доме, как в принципе, и в своём тоже.

Пожалуй, нужно рассказать, где я жила в городе N, и самое главное – как. Это был обычный частный дом на обычной улице. Хотя всем живущим на этой улице казалось, что это самое дно цивилизации. Я тоже так, конечно, думала. Но теперь понимаю, что это был некий райский уголок. Пусть не со всеми удобствами, пусть там часто не было воды и света, а ноги летом были чёрными от пыли, потому что не было асфальта, но это было частью природы, что совершенно нельзя сказать о высотках в черте города... Я не жила за городом, но я жила за железнодорожной линией. Это почти одно и то же, потому что через железную дорогу не ехал никакой транспорт, кроме машин самих жителей. Почти не было магазинов. (Это было просто какое-то чудо, когда в году 2007 у нас почти в начале улицы открыли Продуктовый, куда ходили все!) И, в общем-то, не было асфальта, как я уже упомянула. Не было каких-то иных построек, кроме магазина и домов... Много-много домов тя-

нулось с одной стороны улицы, потому что другая сторона была слишком близко к железной дороге, которая шла буквально параллельно.

Мой номер дома был 123. В длинном ряду домов иногда были промежутки-повороты – это были переулки. Так вот, я жила в одном из переулков. Сами переулки были не очень большими. Дома располагались друг напротив друга, и умещалось их всего где-то от шести до десяти. Номер 123 был почти центром улицы. А последним был номер 221, кажется. (В конце улицы я бывала очень редко.) Через мой переулок, и только через него, можно было выехать на дорогу, чтобы попасть на мост, а через него оказаться в центре города. Дорога эта шла через поле. Там была небольшая рошица и узенькая речка, на другой стороне которой открывались просторы. Именно об этом я и говорю – часть природы.

Как-то даже заскучала по стуку колёс гружёных поездов. Кажется, если бы хоть разок там оказаться сейчас, почувствовать, как чуть трясётся кровать от вибраций под землёй, услышать этот шум – я бы мгновенно уснула, и спала бы долго-долго... А проснувшись, наконец почувствовала бы себя выспавшейся. Мне очень не хватает этого чувства в жизни. Не знаю, почему его нет... Только очень редко. Кажется, последнее было тогда, когда я выпила много водки, вернулась домой в два часа ночи, а проснулась в семь, чтобы пойти на учёбу. Это было в январе. Да что там говорить, конечно же, я помню число – ночь с 20 на 21 января. А сейчас

26 марта.

Мой дом был достаточно большим. Ступеньки, коридор, комната, в которой мы всегда кушали, из неё выход в совместную ванную и туалет, и на кухню, затем проход ещё в одну комнату (в ней стоял письменный стол); налево моя спальня (которая была моей последние четыре года в этом доме), потом самая большая комната – зал с высоким потолком и снова налево – мамина спальня, в которую нельзя было заходить, хоть двери там и не было. Через зал можно было бы пройти дальше, но та половина дома была закрыта. Там жил дедушка, пока в 2004 году не умер. Точнее даже он жил в половине с большим залом и спальней. Просто часть мы отремонтировали, а часть оставили за дверью и заклеили обоями. Туда можно было зайти только с улицы.

Я жила с мамой и с братом, который на четыре года старше, как я уже писала. Казалось бы: живём в таком большом доме втроём, и никто не может друг другу мешать. Но семейка у нас была такой, что мы вечно друг другу мешали. Точнее, кто-то вечно был чем-то недоволен и в этом был виновен кто-то из остальных двух.

Мои размышления в этом доме о Ваксфлауэре я могла доверить только дневнику, который приходилось прикрывать рукой или вовсе закрывать, когда мама проходила мимо. Я писала всегда за обеденным столом, потому что письменный всегда был занят братом за компьютером, а в спальне просто не было стола. Когда мне было совсем тяжело, я закры-

валась в спальне и писала на коленях, но приходила мама и всё равно открывала двери: нельзя было не только заходить в её спальню, но и трогать половину предметов в доме. Я говорю о дверях, шторах, каких-нибудь дверцах от шкафчиков, о предметах на подоконнике (до них не добраться, раз нельзя прикасаться к шторам), и большей части предметов на кухне. Ах, да, я забыла про холодильник! Его нельзя было открывать ни под каким предлогом!

Теперь вы можете представить, что такой человек, как Ваксфлауэр, был для меня просто каким-то чудом. Он умел слушать и выслушать, умел правильно и по-доброму что-то сказать, он был щедрым, никогда не концентрировался больше одной минуты на плохом и говорил много только о настоящем и будущем, не причитая о прошлом. Мне хотелось говорить с ним сутками, что я почти и делала до тех пор, пока мамино терпение не заканчивалось, и она не заставляла меня ложиться спать. При этом она совершенно не интересовалась, с кем я так долго говорю. Просто я мешала ей спать. А вдруг это был какой-то маньяк, внушающий всякие мысли, и её дочь готовилась к самоубийству? Всякое могло быть. Но я считала, что правильно всё-таки рассказать. Тем более разговоры по телефону её, может, и не так волновали, но пойти куда-нибудь гулять с Ваксфлауэром я так просто не могла. О прогулках в Т она, конечно, не знала.

Ваксфлауэр мне посоветовал, как лучше сказать, и что именно, чтобы избежать лишних ссор... Так что я была

во всеоружии, лишь ждала подходящего момента. Этот момент пришёл 13 августа поздно вечером. Брат вдруг куда-то ушёл гулять, и мы с мамой остались вдвоём. Я подозвала маму и как-то так аккуратно сказала, что в лагере познакомилась с парнем, который живёт в городе Т, и что я с ним виделась, когда была у Нолины в гостях, и что ему тридцать один год... После того, как она услышала возраст, сразу начались какие-то возмущения и слова о том, что он совершенно ненормальный, раз общается с девочкой пятнадцати лет. Может, это и так, но мама не учла одну деталь, что я в пятнадцать лет была намного умнее своих одноклассников. Не в плане интеллекта, конечно, а именно в плане сознания и самосознания. Я была взрослее и ощущала себя такой. После маминих возмущений я, по совету Ваксфлауэра, тут же открыла его фотографии (на которые так часто и так пристально смотрела иногда, особенно перед сном), показала его сайт, рассказала, чем он занимается... Я почувствовала, что мама немного поменяла свой взгляд на вещи, потому что сначала ей представился, я так думаю, какой-нибудь небритый толстый мужик с пропитым лицом, на котором написано, что он хочет секса с молоденькой девочкой-девственницей. По виду Ваксфлауэра можно было сказать совершенно противоположное, и я это знала, поэтому не боялась, что разговор плохо кончится. Личное их общение тут пока было ни к чему. Главное, чтобы маме запомнилось хорошее первое впечатление о нём из моих рассказов и его фотографий... По-

том я как-то и сама расположилась к маме, потому что таких откровенных разговоров в жизни у нас было не так много... И в эту жаркую летнюю ночь я предложила маме посмотреть вместе фильм, о котором она упоминала не так давно. Этот фильм назывался «Секрет». До сих пор его помню, потому что он очень известен своей идеей. В нём рассказывается о том, насколько сильна сила слов и насколько неправильное поведение, и вообще, неправильную жизнь в целом, мы программируем сами себе этими словами. Хотя, конечно, всё относительно, тем более понятие нормы. Кто его вообще придумал и ввёл? Ведь то, что для одного человека нормально, для другого может быть абсолютно ненормальным. Просто потому что люди разные, и взгляды на жизнь у них разные. Поэтому для меня не существует понятия нормы, я его считаю человеческой глупостью.

Ровно через неделю я сообщила маме, что Ваксфлауэр придет в N. Время шло, и получается, что с последней нашей встречи минул почти месяц. 21 августа мы увиделись снова. Была маршрутка, которая ехала прямо из T в N через город R. Этот путь занимал чуть больше трёх часов. А сама маршрутка ехала только два раза в сутки, так же и обратно. Поэтому это был не самый удобный вариант, но, тем не менее, я предложила именно его. Итак, около двенадцати часов дня Ваксфлауэр должен приехать на окраину моего города, куда добираться не так-то просто (ещё один минус варианта).

Скорее всего, я приехала чуть ли не на час раньше, а вскочила с кровати, небось, в пять утра. Очень переживала, потому что наши отношения теперь стали куда серьёзнее. За этот месяц мы доверили друг другу необъятное количество самых сокровенных мыслей, рождённых в голове сейчас, или когда-то давно. Так что теперь взглянуть друг другу в глаза было куда интереснее. Хотя, по правде сказать, я начала забывать, что это такое – смотреть ему в глаза... Мы слышали только голоса друг друга, искажённые из-за расстояния, и видели лишь фотографии, показывающие только один ракурс (часто тот, который и не видно вживую).

Появилась идея взять с собой гитару. Конечно, чтобы взять её я. Моя гитара была совсем маленькой и лёгонькой, но очень много значила для меня. Она была куплена 17 августа 2012 года, то есть на тот момент гитара недавно могла отпраздновать год жизни со мной. Она-то не праздновала, зато я помню, как именно в день 17 августа 2013 года делилась с Ваксфлауэром ощущениями и радостью, связанной с этим приобретением.

В общем, я приехала на вокзал и стала ждать. Выглядела я совсем обычно. Шорты, разноцветная маечка с чёрной ажурной сеточкой на спине и с бантиком. На ногах всё те же чёрные босоножки, распущенные волосы, обязательно – часы на руке. Где-то в 12:15 Ваксфлауэр откликнулся на мою SMS и написал, что, видимо, они немного задерживаются, но уже подъезжают. Мне это время задержки не казалось пу-

стяком, а каким-то нескончаемым обстоятельством, которое я не в силах преодолеть лишнюю минуту... Я сидела на лавочке, и у меня буквально тряслись колени. Такое я испытала только тогда и только однажды и вообще не думала, что такое действительно бывает. Но свои трясущиеся коленки мне унять не удалось. Только когда в 12:20 его маршрутка приехала, я позабыла обо всём. Казалось, что и сердце перестало работать или, по крайней мере, – замедлилось. Вот я вижу Его. Всё с тем же рюкзачком за спиной, в шортах, в хорошо выглаженной маечке, в белых носочках под цвет майки и в чёрных кроссовках. И всё с той же улыбкой... Конечно, не было ощущения, что я так ждала именно это тело, что мне хотелось стоять с ним рядом, смотреть на него... Такое в принципе было невозможно, потому что мы всего-то несколько раз находились рядом больше получаса... Но всё это было так волнительно и так по-новому. Сложнее всего было сопоставить голос в телефоне с этим телом, которое я видела перед собой в эту секунду. Я вам хочу сказать, что и это почти невозможно после стольких часов разговоров. Ты просто привыкаешь к ощущению нахождения этого человека рядом и всё. Мало того, сложно даже почувствовать некую связь, в которую ты веришь уже долгое время на расстоянии... Её нет. Потому что связь с голосом – не с телом. Вы можете сказать, что всё это как-то глупо, и что это просто человек, и что вы видите друг друга, просто говорите, и всё... Но это не так. Вы поймёте о чём я, когда испытаете

феномен отношений на расстоянии со встречами раз в месяц, а то и раз в два месяца...

Так мы и отправились в путь: два практически чужих человека, и один с рюкзаком за спиной, а другой с гитарой. Нам обоим нравилась природа, да и летом можно только в тени деревьев спрятаться от невыносимой жары, поэтому я решила, что мы пойдём в рощу Красная З*** или Красная В*** Не помню!

Лавочку в тени было найти не так просто. Либо она была в тени, но сломана. Всё равно было жарко. Я переживала за свой внешний вид, думала, что у меня очень покрасневшее лицо от жары. А ещё я жалела о том, что не собрала волосы в хвостик.

Ваксфлауэр очень бережно взял мою гитару в руки, стал её пристально разглядывать и восхищаться. Сам он имел гитару с пятнадцати лет, но такой красивой у него никогда не было. Гитара была хоть и не из дорогих, но с красивым дизайном: тонкий длинный гриф, белые колки, металлические струны, чёрный корпус и белый ободок. Лично у меня с этой гитарой была любовь с первого взгляда. Однажды я увидела её в магазине, а потом возвращалась туда ещё раз пять, чтобы просто постоять, посмотреть и помечтать... Ваксфлауэр спел, я так думаю, песен пять под гитару. Это было так тепло и душевно. Атмосфера просто прекрасная! Музыка, птички поют, вокруг всё зелёное, солнце светит ярко, небо слишком голубое и прозрачное, и мы вдвоём... Больше не было ни-

кого. Может, кто-то и был, но меня это не волновало. Я тоже спела несколько песен из тех, что удалось выучить всего лишь за один первый год, и мы отправились дальше... Помню песню, которую я точно подпевала³. Кажется, что он даже спел её дважды по моей просьбе, или мне просто этого очень хотелось.

Время шло очень быстро, а Ваксфлауэру нужно было ещё добраться до дома. А я хотела хоть что-то ещё показать в своём городе. Было одно место, которое я узнала не так давно. 19 мая 2013 года. Его мне показал Озотамнус. Вроде не было обещаний, что я никого туда больше не приведу. Да и с чего вдруг? Это просто маленький холмик среди домов. Но дойти туда было нелегко, потому что тропинок было много, а нужно было выбрать одну. Так что накануне нашей встречи, числа пятнадцатого, я выбралась из дома и отправилась на поиски этой поляны. На эти поиски ушло пару часов. Но всё-таки нашла. Помню, что я там даже всплакнула в одиночестве. Не знаю, отчего... Наверно, вспоминала прошлое... А может, просто уже не верила, что найду.

Вот мы пришли, расстелили небольшое покрывало под цвет неба из рюкзака, положили гитару под головы и легли. Хотелось уже лежать, потому что прошли прилично.

Эти облака – белые комки, втиснутые в голубую бездну и разбросанные повсюду... Казалось, что можно дотянуться до них рукой. С этого холмика можно было даже вдалеке

³ «Моё море» – Noize MC (российский рэп-рок-исполнитель и автор песен).

увидеть мой дом, если бы в руках был бинокль. А так мы видели рощицу, речку и выжженные от летних пожаров поля. Ещё очень интересно было наблюдать, как почти невидимая тень от облаков ползёт по земле медленно-медленно. Вы знаете, что облака весят миллионы тонн? Наверно, именно поэтому они передвигаются так медленно.

Разговаривать в таком месте было очень приятно. Только там я начала привыкать к Ваксфлауэру и чувствовать, что он тоже привыкает. Кстати, может, это и удивительно, но мы не играли в игры типа: что ты видишь в этом облаке. Сначала я прочитала вслух своё, пожалуй, самое длинное стихотворение, написанное мной тоже накануне, кажется, 16 августа. Оно было о многом. Как-то хотелось несколько последних лет своей жизни собрать в кучу и выразить стихотворно. Конечно, это не было столь складно, как могло быть, и не столь многозначительно и высоко... Но тем не менее это было моё, и в этом жила часть меня. И этой частью я решила поделиться. Потом Ваксфлауэр начал рассказывать про своих девушек, что у него были, про свой первый нелепый сексуальный опыт. Я чуть больше открыла подробности своей жизни в семье, рассказала о маме... Мы ещё о чём-то говорили, но это неважно. Потом надо было спешить на железнодорожный вокзал, откуда ехала электричка до R, чтобы потом можно было добраться в T. Хотя уходить ужасно не хотелось! Я думаю, что Ваксфлауэр чувствовал похожее... Нам всегда будет мало этого времени вместе...

Когда мы ехали в автобусе, почти не говорили, каждый был в себе. Лично я готовилась к расставанию. Но в какой-то момент в конце мы заговорили, и не помню, как это случилось точно, но вдруг у меня вылетели слова: «А может, я буду твоей женой?» Это было сказано почти мимоустьно и даже в шутку, возможно, но эти слова прозвучали, и мы оба их слышали, и у нас у обоих появилась идея, которая стала развиваться моментально, но имела долгую историю... Зайдя на вокзал, мы купили билет, а я попросила посмотреть его паспорт. Мне не была важна фотография – я хотела узнать адрес прописки. Скоро вы поймёте – зачем.

Вот скоро приедет электричка, а мои мысли идут потоком, и тут я говорю: «Что если ты будешь моим первым мужчиной?» Это было как бы продолжение той фразы. Скорее всего, обе эти мысли появились в моей голове одновременно, и обе я произнесла вслух, и даже не побоялась. Я знала, что Он меня поймёт.

В тот день 21 августа 2013 года, мы оба поняли, что всё возможно. Он уехал в 17:**. Помню, как мы стояли возле электрички, и Ваксфлауэр сказал: «Дай, поцелую в щёчку». Поцеловал, а я подтолкнула его в вагон, потому что боялась, что электричка уедет без него.

Тогда я не сразу поехала домой. Мне захотелось просто подумать, а дома это редко получалось в полном спокойствии. Поэтому скоро я оказалась в нашем единственном городском парке с аттракционами. Я просто шла и думала,

и тут мои глаза наткнулись на колесо обозрения, на котором я каталась только в детстве, и у меня нет об этом воспоминаний. В сознательной жизни я на него не садилась, потому что ужасно боялась высоты... Но в тот миг я почувствовала, что теперь есть человек, с которым мне точно не будет страшно... В тот же вечер, или чуть позже, после того, как я поделилась этой мыслью, Ваксфлауэр пообещал мне, что обязательно прокатится со мной на этом аттракционе. Он сдержал своё слово, но всё случилось совершенно не так, как могло быть.

Первый раз пытаюсь писать в общественном месте. Это довольно интересно. Время: 14:23. Ветер за окном просто ужасный, но довольно типичный для марта. Вокруг самые разнообразные люди. Справа две девушки говорят о других девушках и парнях, показывая друг другу фото на телефоне, слева – парень просто ест. Впереди заняты несколько столиков: парень и девушка сидят далеко друг от друга – явно ведут напряжённый разговор. Только что парень встал и ушёл. Девушка осталась одна. Смотрит вдаль. Остальные просто сидят и едят, одни сменяют других. А я сижу и печатаю. На самом деле, наблюдать можно за многим, и если смотреть особым взглядом, то любое может заинтересовать. Иногда мне хочется делать, как Шерлок Холмс – видеть все причинно-следственные связи, каждую мелочь. Думаю, что зачастую у меня получается лучше, чем у многих вокруг.

Некоторые, уверена, совершенно не хотят наблюдать за этим миром – они хотят спрятаться от него, забиться в угол.

Сейчас мне кажется, что прошло гораздо больше времени, но прошло всего три дня, и я снова увидела Ваксфлауэра. Он решил устроить для меня небольшое путешествие и отправиться со мной на теплоходе в маленький город S на берегу реки. Кажется, он там был до меня, но давно... Проблема была в том, что это не просто прогулка в N, это большее. Хотя бы потому, что нужно ехать в город R. Только в этом продвинутом городе плывут теплоходы.

Разговоры с мамой были очень напряжённые, всё равно она не слишком доверяла нашему общению из-за большой разницы в возрасте. У неё это не укладывалось в голове, тут возникал конфликт поколений. Потому что, по-моему, в этом новом мире такое было вполне допустимо, но мама была человеком из прошлого века, к тому же сильным консерватором по природе. В общем, я убеждала маму, что всё будет хорошо, и что билеты уже куплены, и что это всего на один день – вечером я вернусь домой. Она практически не слушала меня, потому что была убеждена, что это просто прихоть пятнадцатилетней девочки. Вечером 23 или 24 августа я убедила маму поговорить с Ваксфлауэром по телефону. Говорили они где-то полчаса. Мы стояли с мамой около железной дороги, невозможно было дождаться решения... Я ходила туда-сюда и почувствовала себя как в детстве, когда

мы идём с мамой из магазина домой, и тут вдруг встречаются двое взрослых и начинают совершенно непонятный разговор для малышки, стоящей рядом и переминающейся с ноги на ногу на протяжении, как ей казалось, долгих часов.

По маминому лицу можно было понять, что она чем-то недовольна. Она была недовольно своей жизнью, местом жительства, своей судьбой в целом... Но тут было что-то другое, потому что лицо было более угрюмое, чем обычно. Да, она злилась. Но при этом произнесла, что путешествие всё-таки состоится. До сих пор не знаю, что там такое Ваксфлауэр наговорил маме, но у него получилось убедить её. Конечно, у него была другая тактика, отличная от моей, когда я действовала просто как заезженная пластинка, говоря об одном и том же снова и снова.

Надо сказать или даже напомнить, что на тот момент мне было пятнадцать лет, моему брату девятнадцать, а маме сорок два. Всё это означает, что детки растут, а мама может тем временем устраивать свою личную жизнь. Хотя всё это было странно! Она уезжала периодически на несколько дней из дома к очередному дяде, но всё как-то не складывалось. Было продвижение, когда она этого дядю приводила домой. Помню очень хорошо одного, который явился к нам в субботу рано утром и высыпал на наш обеденный стол пару килограмм каких-то козинаков с арахисом. Как можно было додуматься привезти такую кучу одних и тех же конфет? Через

десяток нам уже было плохо, потом они долго лежали до тех пор, пока не завелись в этих конфетках червяки – мы их благополучно выкинули, когда появилась на то причина.

Так вот эти дяди являлись к нам один за другим. Но надолго не задерживались. Почему? Не знаю. Основная проблема была в маме, я думаю. Потому что она стремилась сделать из этих мужчин марионеток (уж я-то по себе знаю), но они бежали от неё, а она была этому рада, потому что был очередной неподходящий экземпляр. Хотя порой расстраивалась в целом. Плакала и говорила, что мы скоро бросим её, и останется она одна в этом доме, и будет ей плохо. Иногда она так нагнетала этим обстановку, что хотелось уже, действительно, скорее уйти.

Всё дело в том, что моей маме не повезло в жизни. Хотя бы потому, что она родилась у моей бабушки. Именно оттуда всё начинается. Маму воспитали так, что она стала закрытой в себе эгоисткой, тихо ненавидя своего старшего брата за то, что мать его боготворила. Имейте в виду, детей нельзя выделять в семье никоим образом! Это может плохо закончиться! Когда маме было, кажется, девятнадцать лет, родители развелись, и моя бабушка стала жить с другим мужчиной. Всё это случилось, и уже в двадцать три мама родила моего брата, сбежав от ужаса в доме на север к парню, который старше мамы на одиннадцать лет. С ним особо ничего не вышло, и уже в двадцать шесть мама родила меня, но от другого мужчины, вернувшись с ним в родной дом в го-

роде N. Когда мне было лет пять, мама выгнала моего папу за пьянство и разбой, а уже в мои шесть лет снова вышла замуж за крёстного моей подруги Юкки, которого тоже через пару лет спровадила.

Про своего папу я помню мало. Больше всего запомнилось, как он вечерами приходил с работы и частенько доставал из карманов пару «чупа-чупсов» или «киндеров» для меня и брата. Я радостно бежала к нему и ждала, что он что-то обязательно даст. Помню, что алкоголь делал его очень агрессивным, и папа кричал на маму, билась посуда... Мне рассказывали, что когда я была совсем маленькой, папа в порыве злости перевернул коляску вместе со мной. Хорошо, что всё обошлось.

В общем, в момент, когда я собиралась поехать с Ваксфлауэром в небольшое путешествие, мама общалась с каким-то мужчиной (я не знаю, где она их находила), и мы решили, что я поеду в R гулять с Ваксфлауэром, а мама поедет со мной, чтобы увидеться с этим мужчиной.

Так всё и вышло. 25 августа 2013 года рано утром мы выехали на электричке из города. Кажется, теплоход отплывал в 09:30 от причала, а может, в 09:00. Но мы, конечно же, успели. Выходит, в тот день мама впервые увидела Ваксфлауэра. Правда, я совсем не запомнила этот момент.

Я была одета совсем просто. Белая майка и чёрные шорты, на ногах тапочки с цветочками. Мне хотелось выглядеть походно. Хотя я пожалела, что так вырядилась, потому что

было очень жарко. Ваксфлауэр был, кажется, в том же самом, в чём и последний раз. А может, он сменил одну белую футболку на другую.

Вот мы на теплоходе. Двух минут в нижнем закрытом зале хватило, чтобы понять, что мы лучше будем стоять всю дорогу, зато на свежем воздухе. Говорить было немного сложно, потому что было шумно из-за воды и движущегося теплохода.

Помню, что мы стояли и рассматривали Луну, которую иногда видно среди бела дня. Мы всё удивлялись с её формы и недоумевали, как она такой получается, ведь сама Луна имеет форму шара, а мы почему-то видим вогнутую её часть. Когда в сентябре у меня началась школа, я подошла с этим вопросом к учительнице по физике, и она объяснила, что всё дело в отражённых от поверхности лучах. Если вы представляете, в чём был весь вопрос, то поймёте ответ.

Тогда на теплоходе ещё было очень много разговоров о Вселенной, о её бесконечности, которая есть, а может, её нет... Мы много говорили. И практически не смотрели друг на друга. Так вышло. С того момента 27 июля, когда я просто не могла оторвать от Него глаза, такого я пока себе не позволяла. Что-то происходило между нами. И это что-то мешало смотреть открыто глаза в глаза.

В какой-то момент мы приплыли к городу S, на осмотр которого, нам был дан где-то час, может, полтора, потом – дорога обратно. Город очень маленький, там особо не на что

было смотреть. Вокруг было много людей. А в центре на площади стоял храм, который был главной достопримечательностью города. По дороге к храму мы попросили кого-то сфотографировать нас. Так у нас получилась наша первая совместная фотография. Когда мы стояли в церкви у алтаря, я сказала Ваксфлауэру, что он авторитет для меня. Не знаю, почему я так вдруг почувствовала и решила это сказать, но сам Ваксфлауэр был, кажется, удивлён и ничего мне особо не сказал. Под этим словом «авторитет» я подразумевала то, что я хочу быть такой же, как Он, стремиться к Его уровню сознания, который был значительно выше моего. Но в глубине души мне просто хотелось быть с Ним наравне, чтобы стать к нему ближе.

Был момент, что мы расстелили то же покрывало под цвет неба на траве и сели перекусить. Потом играли в шашки. Кажется, Ваксфлауэр обыграл меня, хоть я тогда и ходила на занятия по шашкам и училась хорошо играть.

Помню, как я купила там магнитик на холодильник, который до сих пор висит, и буквально сегодня мой взгляд задержался на нём. Когда мы возвращались к теплоходу, Ваксфлауэр рассуждал, что скоро он будет ровно вдвое старше меня, когда мне будет шестнадцать, а ему тридцать два, и что такое бывает раз в жизни. А когда мы поднялись на теплоход, Ваксфлауэр в какой-то момент сказал, что хочет почувствовать меня ближе и обнять. Тогда мы впервые обнялись, и после этих объятий как-то больше смотрели друг на дру-

га. Но тем не менее мы с последней нашей встречи не затрагивали тему про то, что я могу быть его женой... Хотя много переписывались, обсуждая это. Наверно, нам нужно было время, чтобы понять, что всё это действительно происходит с нами...

Сейчас вспомнила, что по дороге на вокзал мы обсуждали очень важную тему для меня. Всё дело в том, что в 2013 году наша дружба с Юккой переживала кризис и была на грани того, чтобы закончиться... Хотя трудно в это поверить. Я как-то прочитала, что дружба, которая длится более семи лет, с большой вероятностью продлится до конца жизни... Не знаю. Странно, что так не пишут про семейные отношения. Бывает, люди и после двадцати лет брака разводятся. А было бы здорово, если бы существовал некий срок, который можно преодолеть и быть спокойным. Но такого не бывает. И с дружбой в том числе. Просто кто-то так подумал.

Так вот, наш кризис состоял в том, что я была многим недовольна именно во внутреннем мире Юкки. Конечно же, то, что я считала изъясном, в какой-то степени отражалось на мне и наших отношениях. Например, возьмём её безответственность. Если она обещала выйти из дома через двадцать минут, то могла этого не сделать, а я, конечно, злилась, но ждала и теряла своё время. Ещё, например, можно рассмотреть её гордость. Я это так назвала, но может, это не совсем то... Но иногда, если Юкка была в чём-то убеждена, то, значит, и другой должен быть того же мнения. На этом

у нас возникала куча разнообразных споров, которые могли вообще не закончиться. Я могла просто резко со злобой прерывать спор, и на этом всё прерывалось. Это было неприятно ни мне, ни ей, и откладывало отпечаток на нашей дружбе, которая портилась такими вещами.

Но всё стало хуже, когда у Юкки появилась первая любовь. Я отошла на второй план, как и другая близкая подруга Юкки (в дальнейшем мы даже объединились, потому что у нас была общая беда). Так вот, я с определённостью могу сказать вам, что никогда не стоит отдалять своих друзей и подруг ради любимого человека, если нет на то веской причины. Ведь просто бежать к парню, которого ты видела вчера, и не идти ко мне, которую ты не видела неделю – как минимум несправедливо... Из всего этого вышло, что я очень ждала премьеру одного фильма в кинотеатре, и Юкка обещала сходить со мной, но 27 ноября в десять утра я пошла сама смотреть этот фильм в воскресенье при маленьком снегопаде в полупустой зал. Хотя я не жалею об этом, потому что в тот день я, кажется, стала приближаться к той себе, которой я есть сейчас. Чтобы вам было понятнее, просто вот эта свобода – взять и пойти в десять утра одной – не всем даётся внутренне, а мне очень много даётся по жизни. Взять хотя бы то, что я сижу и печатаю эти строки.

В общем, меня очень волновали все эти проблемы, и я рассказала Ваксфлауэру всё как есть. Он меня сразу понял и объяснил, что стоит открыто обо всём говорить, но не кри-

тиковать при этом, а честно описывать картинку чего-то хорошего, что хотелось бы видеть на самом деле. Как бы вам это подробнее объяснить? Ну, вот если мне не нравится безответственность Юкки, то я говорю ей о том, что такая безответственность может доставлять много неудобств себе самому и людям вокруг, но при этом не концентрируясь на своём недовольстве, предлагать побольше стараться в различных ситуациях. Сейчас мне это более понятно, и маловероятно, что тогда у меня это уложилось вот так в голове. Поэтому 27 августа, когда я собрала нас троих в нашем городском парке (меня, Юкку и её подругу), разговор получился так себе. Мы просто вдвоём наговорили кучу гадостей в адрес своей подруги, она тогда сидела вся в слезах, а мы были убеждены, что так и надо.

Никогда сказанные однажды слова не сработают. Я говорю о словах Ваксфлауэра, который разложил мне всё по полочкам, а у меня просто не хватило ума до конца его понять. По-настоящему понять можно только методом проб и ошибок. Мне кажется, я знаю, о чём говорю.

Было неправильно, но много философствуя с Ваксфлауэром (а по-другому было невозможно, ведь он уже с определённым жизненным опытом и знает куда больше, чем я, и может охотно поделиться), я вдруг решила, что становлюсь как-то умнее, а значит, мне меньше стоит разговаривать по пустякам с людьми вокруг. Отчасти оно, может, так и было, потому что мой ум был занят постоянно какими-то

высокими размышлениями об отношениях между людьми, о Вселенной, об истине, но я не понимала, что нужно наоборот открыто начать делиться этим и больше осознавать, пока делишься с кем-то. Поэтому про бурное начало отношений Юкка не слышала от меня, я даже как-то скрывала всё, что чувствую, затаив и спрятав это в себе. По дороге в школу, бывало, я что-то упоминала, но эти упоминания были сухими и блеклыми, а Юкка замечала, что не верит в какую-то святость того, что действительно для меня таковым является, только потому, что не видит мои горящие глаза. Так было, наверное, на протяжении полугода, а может, немного больше, потом кое-что изменилось.

31 августа 2013 года – последний день лета – мне довелось проводить в прошлое вместе с Ваксфлауэром в огромном зоопарке, в котором я никогда не была.

В тот день мама меня уже как-то легче отпустила, потому что понимала, что мы встречаемся, и что остановить это нельзя. Хотя, вот именно слово «встречаемся» я и Ваксфлауэр, кажется, никогда не употребляли. Мы даже не знаем наверняка день нашего знакомства, а когда начались наши отношения – уж тем более, всё очень условно. Поэтому мы просто делали то, что нам нравится больше всего: говорили и говорили.

Утром 31 августа я снова поехала на электричке в город R. Это город-миллионник, поэтому в нём гулять было куда интереснее, чем в наших маленьких городах N и T. Я уже

не помню подробностей – как мы встретились, где... Помню, что я была в том же платье, что и 27 июля. А Ваксфлауэр был всё с тем же рюкзаком. В тот день мы во второй раз ехали вместе в автобусе. Я помню, что меня это всё как-то впечатляло. Вот мы едем вместе. И я чувствовала, что мир вокруг растворялся на фоне Него. Это чувство просто незаменимо! Оно почему-то делает тебя сильнее. Ты начинаешь ощущать себя частью чего-то и постепенно уходишь от той незащитности, что постоянно с тобой.

Что вам ещё сказать? Я была влюблена в Него. Но у нас всё началось не так, как обычно бывало у меня с парнями. Мы начали общаться просто потому, что мне нужна была помощь. И так получилось, что мы и в дальнейшем стали помогать друг другу. Ваксфлауэру нужно было определяться в личной жизни, и я начала ему в этом помогать. А мне нужно было выбирать путь, куда я хочу идти, хоть этих путей было не так много. Как говорят – так сложились звёзды – и мы стали идти вместе. Самый серьёзный разговор, хоть они и все были таковыми, у нас случился тогда, 31 августа 2013 года, в зоопарке в городе R. Мы сидели на лавочке в тенишке, смотрели на розовых фламинго, как они спят, стоя на одной ноге, и говорили.

Всё было очевидно. Ему тридцать один год, значит – пора жениться и заводить детей, чего Ваксфлауэр, в общем-то, и хотел. Но тут появилась я – пятнадцатилетняя девочка

с умом более взрослого человека. Мне хотелось полностью поддержать Ваксфлауэра во всём. Я чувствовала, что мне это чрезвычайно важно для жизни, что вот именно так и должно всё быть... Ваксфлауэр восхищался моим энтузиазмом и хотел, чтобы я была его женой. Понимаете? Мы не пребывали в мечтах о долгой и счастливой жизни. Мы точно знали, что путь, который мы можем выбрать, очень сложный. Но мы чувствовали, что вместе у нас могло бы получиться...

В общем, представьте. Вот заканчивается второй месяц нашего знакомства, а мы сидим в незнакомом городе и прямо подбираем варианты, как нам лучше быть. Вся проблема была в том, что мне надо было закончить школу, а на это нужно было целых два года. В общем-то, никто особо никуда не торопился. Но что делать на расстоянии? Может, мы особо и не задавались этим вопросом, мол, если придётся так, значит, будет так. Зато мы точно решали, что я перееду в Т, и мы будем жить вместе. Поживём какое-то время, и возьмём ребёнка из детского дома. Вы не удивляйтесь, но план был именно такой. При этом у нас всё легко укладывалось в головах, мы твёрдо знали, чего хотим. Узнали именно тогда, на лавочке, в своём отдельном мире.

Здорово было смотреть на животных. С другой стороны, было их жалко, но я старалась об этом не думать... Тогда я впервые в жизни увидела настоящего слона! Они такие большие и забавные! Ещё мы видели павлина, зебру, всяких обезьян, пони... И этих невероятных фламинго! На той природе

было очень хорошо и спокойно. Хотя, скорее всего, не природа создавала эту атмосферу, а Он.

Ваксфлауэр учил меня тому, что такое любовь-забота. Я так поражалась! Ведь всё лежит на поверхности, и так легко запутаться... Человек говорит, что любит рыбу, но на самом деле он любит удовлетворять себя этой рыбой. А если бы человек любил рыбу, то он бы заботился о ней, кормил бы её... И так можно сказать обо всём! Я никогда ранее не слышала об этом и не могла услышать, потому что в мире, в котором я жила, все только потребляли. Я приходила в ужас от этой мысли! Люди не умеют любить! Настоящая любовь заключается в том, чтобы быть очень заинтересованным в благополучии объекта любви. Примерно так пишет Эрих Фромм в своей книге «Искусство любить». Прочитайте эту крохотную книгу, и вы больше поймёте об этом мире.

То, что объект любви считает нужным для себя – на самом деле может быть вредным. Наша задача заключается в том, чтобы научить его отказываться от этого вредного. Самым ярким примером будет являться алкоголик, который постоянно хочет выпить. Наша любовь будет заключаться не в том, чтобы избавить его от страданий и дать очередную бутылку, а в том, чтобы заставить его больше страдать без бутылки, но очень его поддерживать в этом нелёгком пути и помогать не сдаваться. Важно упомянуть, что человек, пребывающий в любви-заботе – любит всё вокруг. При этом это даже

не чувства, а просто поведение. Хотя, конечно, отдавая, мы больше получаем, а значит – чувствуем себя хорошо.

Я говорю о том, что даже если в руках вы будете держать дорогую вазу, а мимо пройдёт незнакомец и толкнёт вас, а вы уроните эту вазу, и она разобьётся, то пребывать в любви – это не разозлиться, не расстроиться, а просто знать, что человек по-другому не мог: он просто куда-то торопился или, возможно, он не привык аккуратнее обходить людей... У него может быть целая куча причин на всё! Вам лишь нужно об этом помнить. Хотя единственное упоминание об этом не поможет сконцентрироваться на этой мысли, поэтому я буду как можно чаще вам напоминать.

Со временем я всё больше и больше начала осознавать, что никто вокруг меня не любит, и я никого не люблю... Но всё больше и больше я стала понимать, как можно прийти к этой любви. И в этом я очень благодарна Ваксфлауэру.

Этот прекрасный последний день лета всё равно закончился, но он внёс большой вклад в наши жизни. Вы можете сказать, что это обычный день, и что всё могло произойти в любой другой момент... Но я в случайности не верю. Ничто не случайно! Как всё, что происходило со мной всю мою жизнь. Не случайно то, что я родилась в городе N 2 ноября 1997 года, что я появилась на свет именно в этой семье, что пошла в школу, что стала отличницей в шестом классе и держалась так до одиннадцатого, что познакомилась со многими людьми, что некоторых людей уже нет в моей жизни,

что я росла без отца, что купила гитару, что попала именно к той учительнице, которая научила меня игре на гитаре, что встретила Ваксфлауэра, и что в день 31 августа мы придумали некий план, который почти исполнился...

Когда Ваксфлауэр впервые поцеловал меня в щёку, когда обнял, я особо ничего не чувствовала. Это было приятно, но в то же время как-то мимолично, и я не успевала всё уловить. И мы даже как-то не останавливались на таких вещах, и мало о них говорили. Но руки... Это было куда важнее, чем всё остальное. Прикосновения его рук я ощущала всем телом. Всё моё тело отзывалось на эти прикосновения! В тот день 27 июля я уже забыла, что это такое – бояться смотреть Ему в глаза... Я только думала о Его нежных трепетных руках... И вот в один момент в зоопарке мы шли по тропинке, залитой солнцем. Помню, ещё старались смотреть друг на друга, но не получалось что-то рассмотреть сквозь зажмуренные глаза. Поэтому я смотрела только под ноги и на наши тени, которые были почти ровными, потому что солнце было в самой своей высокой точке. Так вот, в какой-то момент Ваксфлауэр взял мою правую руку. Я тогда машинально посмотрела на наши руки, которые непривычно лежали одна в другой... Мне кажется, если бы я могла рисовать, я бы с точностью изобразила то, что видела, даже спустя несколько лет. Моя совсем маленькая ручка, и его рука побольше. И Он держит мою руку, а я хватаюсь за все его микроприкос-

новения пальцами и ладонью. Невозможно же просто взять и держать! Мы продолжали идти, и наши руки продолжали двигаться в такт нашим шагам, прикасаясь в каждую секунду до новой клеточки! Я тогда почувствовала больше, чем просто близость... Я как будто перенеслась далеко в будущее и увидела картинку, как мы идём где-нибудь по улице, и наши руки уже постаревшие и с морщинками, но мы так же продолжаем держать друг друга... Мне кажется, что такое будущее наступит. Я буду делать всё, чтобы оно наступило.

Вот из таких моментов складывается вся наша жизнь. Никогда не знаешь, что может произойти. Всё просто происходит. И люди привыкли думать, что именно так должно быть.

На днях перед сном я сказала Ваксфлауэру: «Я очень тебя люблю». Эти слова вышли из меня и будто опустошили. Как бы вам объяснить? В тот момент я чувствовала некое единение с Вселенной, и никакие слова не могли этого описать. Моей Вселенной был Он. И я была её частью. Мне сделалось даже немного страшно от того, что некоторые вещи просто остаются невысказанными потому, что нет для них подходящих слов. Тогда зачем эти вещи существуют? Может, всё дело во мне? Может, только у меня возникла эта проблема? Если ты, читатель, понимаешь меня, значит, я не одна. И очень благодарна за это.

Разные переживания есть вокруг нас и в нас самих. Есть те, что мы отчётливо отличаем от всего. Но есть и то, что за-

тёрлось на фоне всего остального. Именно это и можно назвать бессознательным. Скорее всего, если бы человек старался всё ухватить и зацепить – он просто бы сошёл с ума, потому что человеческий мозг рассчитан на восприятие семи плюс-минус две единицы информации чего бы то ни было⁴. Представляете! Вокруг нас происходят миллионы событий, а мы знаем одновременно только о семи. Пролетела мимо бабочка, пробежал муравей, дятел съел червяка, прохожий улыбнулся, другой прохожий уронил слезу, ребёнок покатился на самокате, проехала машина, другая кого-то сбила, солнце стало на сантиметр выше, отлетел луч от стёклышка, и загорелась трава, в лужу мы пнули камень, уронили монету, стесали носок ботинка об столб, моргнули, женщина отвечала на звонок, у кого-то зазвонил телефон, кто-то бежал на автобус, кто-то на него опоздал, передвигаются тонны облаков, ветер качнул ветку рядом с нами... Всё это происходит каждую секунду! Но мы в основном даже не в семи вещах из всего этого, а в том, что уже случилось или в том, что должно случиться. Люди загоняют себя в рамки прошлого или будущего, но мы очень редко оказываемся в безграничном настоящем... И вот когда я всё-таки произнесла: «Я очень тебя люблю» – я оказалась в этом настоящем и почувствовала себя так легко и уверенно! Лишь на мгновение мне

⁴ Число Миллера – закономерность, обнаруженная американским учёным-психологом Джорджем Миллером, согласно которой кратковременная человеческая память, как правило, не может запомнить и повторить более 7 ± 2 элементов.

удалось уловить, что я там, где должна быть. И всё! Это исчезло, порушив то, что создаётся за секунды! Выстроилась огромная стена с картинками прошлого и непроглядное будущее за ней. Мне от этого очень грустно. Давайте будем здесь и сейчас. Я сейчас печатаю эти слова, а вы их когда-то прочитаете. Потом вы будете читать эти слова, а я их когда-то напечатала. Вот такая несправедливость! Мы никогда не будем вместе, мой дорогой читатель! Моя история с Ваксфлауэром продолжается, но вы лишь узнаете о том, что было, и никогда не узнаете о том, что есть. Потому что даже если сейчас я сообщу до мельчайших подробностей всё то, что происходит, оно тут же уйдёт в далёкое прошлое и станет наравне с тем, что я вам пишу о 2013 году. Поэтому выбирать не приходится. Продолжим то, на чём остановились.

В моей голове стал рождаться новый мир, или новая я вслед за знакомством с Ваксфлауэром. Это было сложно остановить. Но и не нужно было. Я оставалась жить в этом мирке и радоваться тому, что Он есть.

В сентябре 2013 года я пошла в десятый класс. Очень хорошо помню, что начало года было 2 сентября, а не первого числа. Единственный раз в жизни. Было приятно ходить в школу, потому что начиналась уже старшая школа – новый уровень. В классе было меньше человек, потому что многие ушли после девятого. Так что дышалось, в общем-то, легко.

Моя школа находилась в двадцати минутах от дома, а ес-

ли постараться, то в пятнадцать. Каждое утро одна и та же дорога. Год за годом. Только сейчас, когда я там оказываюсь, видно, что что-то изменилось. Тогда же все одиннадцать лет не менялось ничего!

Как вы уже знаете, мой номер дома был 123. В доме №103 и в доме №81 жили две мои одноклассницы. Последние годы я старалась выйти либо раньше них, либо позже. Главное, чтобы не встретиться случайно, и уж тем более – не идти вместе. Ведь дорога была у всех одна. Зачастую я просто проходила мимо и чувствовала себя совершенно спокойно, бросив бесчувственное «Привет».

Ещё в классе шестом мы ходили всё время втроём, часто гуляли на улице вместе после школы, но потом я поняла, что это не мой мир, и что я абсолютно не хочу с этим связываться. Было несколько серьёзных разговоров, где я выступала инициатором, затем затишье и спокойствие. Самой противной чертой этих двух девчонок было то, что они обсуждали всех вокруг! Я не могу сказать, что я этого не делаю... Но не каждый день. И это не стало у меня, как у них, главной темой для разговоров. Мне было понятно, что перестану я с ними общаться достаточно близко – и тут же стану ещё одним предметом для обсуждений. Но на это было всё равно! И я горжусь собой, что ещё в классе седьмом отделалась от всего этого!

После этого круг общения с участием меня в классе значительно сузился. Я сидела всегда на первой парте на тре-

тьем ряду. И не подумайте, что я была изгоем. Просто я держалась от всех на определённой дистанции, и не парилась по этому поводу каждую минуту. Ближе всего ко мне оказалась другая девочка из класса, с которой я просидела за одной партой последние два года. Мы хорошо ладили, очень редко ругались. И только она могла меня понять, когда я заходила в класс по утрам и говорила тихонько, что сегодня у меня нет настроения. Это означало, что просто не надо меня трогать, вот и всё. И ей это удавалось, сидя со мной рядом на стуле! Так что нас всё устраивало.

Даже на первой парте я умудрялась переписываться с Ваксфлауэром на уроках, иногда звонила на переменах. Больше всего мы говорили, когда я шла со школы домой. Мой путь до дома растягивался на полчаса, а потом я ещё могла стоять по часу за углом перед переулком и разговаривать. Страшно хотелось есть, и я знала, что дома ждёт мама, но говорить хотелось больше всего. К тому же это было тем, что нам оставалось. Иногда я долго не спала из-за переписки, не готовилась к каким-то урокам... Но могла себе это позволить, потому что заработанная репутация стала работать на меня безотказно уже как раз в десятом классе.

Но всё же Ваксфлауэр отвлекал меня от учёбы или я отвлекалась на Него во время учёбы. Неважно. Главное, что тогда я перешла на какой-то новый уровень жизни – более интересный и захватывающий, хотя вокруг, по сути, ничего не поменялось. Менялась только я. И моё отношение к миру.

Так после долгих разговоров я уже не спорила с мамой, а потихоньку старалась объяснять, что просто хотела поговорить, и что обязательно всё успею сделать и лягу пораньше спать. Я стала понимать, что нет смысла обижаться на мамины крики. И что всегда есть аргументы ко всему. Мне было уже легче воспринимать то, как брат начинает что-то рассказывать, абсолютно меня не интересующее. Было ясно, что по-другому он не умеет, как, впрочем, и мама: общается только упрекая и высказывая претензии. Вообще, мир становился более понятным, очевидным и предсказуемым. Просто потому, что Ваксфлауэр постоянно давал мне пищу для ума. Давал то, что другие не могли дать. Мои размышления перерастали в потрясающие идеи, которыми я делилась с Ним. Это было так легко! И было хорошо от того, что Ваксфлауэр понимает меня, или хотя бы старается это делать.

Так в какой-то момент основным предметом для обсуждения стали Вселенная и атомы. Мне нравилось обо всём этом думать! Ваксфлауэр вместе со мной поражался тому, что вот именно определённые атомы составляют наши тела и всё вокруг, и что эти неделимые частицы являются строительным материалом нашей планеты. Мы размышляли о том, почему всё так, и кто это придумал, и есть ли Бог на самом деле... Вы знаете, я поняла, что Бога нет. Не потому, что Ваксфлауэр так думал и навязал мне эту идею... Нет. Я определённо уверена, что дошла до этой мысли сама! Так, как люди однажды решили придумать Бога таким, каким будут

представлять себе миллиарды. Скорее всего, все эти люди были: Иисус, Будда... Но они не творили чудес. Просто они были не от мира сего. И возможно, люди злились на них из-за этого, а кто-то их боялся, кто-то любил, потому что хотел быть таким же и взять от этого человека всё... Именно поэтому такие необычные люди страдали, их убивали и прочее. И в историю они вошли как нечто невообразимое и непостижимое. Но заметьте, в каждой религии есть идея бессмертия, будь то реинкарнация или ад с раем... Люди смертны и хотят быть бессмертными.

Знаете, а я бы не хотела быть бессмертной... Потому что всё то, чего мы хотим и к чему стремимся, вмиг бы потеряло смысл. Все идеи и мысли... Может, мы бы могли бесконечно творить добрые дела, но, мне кажется, потерялось бы чувство насыщения... Живя бесконечно, мы окончательно перестанем чувствовать вкус жизни. Ребёнок ещё удивляется простым вещам: как разжимаются его пальцы, как прыгает кузнечик, как течёт вода... Нас же, выросших, ничем не удивить! Я думаю, что абсолютно правильно, когда в мире есть начало и конец всему...

В девятом классе я весь год ходила на занятия по гитаре. К концу года я уже кое-что умела, и, может, на этом можно было остановиться... Но мне нравилась моя учительница и все уроки с ней. Каждый раз после урока на моём лице держалась улыбка вплоть до самого дома. И ничего особо не происходило в стенах музыкальной школы. Просто я де-

лала то, что мне безумно нравилось.

Только переступив порог школы можно было услышать в узком коридоре из всех крошечных кабинетов музыку в разных её проявлениях: кто-то пел и старался тянуть ноты, кто-то играл на саксофоне, регулируя плавность звука, кто-то бегал пальцами по клавишам, кто-то играл на инструментах, которые мне незнакомы... Можно было услышать скрипку, балалайку, баян и, конечно же, гитару... Всё это было слышно даже из окон музыкальной школы в тёплые времена года, когда окна были приоткрыты. Я бесконечно радовалась, что была частью этого мира.

Моя мама семь лет ходила в детстве в эту же музыкальную школу и возненавидела все эти годы (в нашем доме в большой комнате всегда стояло пианино). Так вот, у меня всё получилось иначе. Я просто сама приняла это решение, в которое мама ни копейки не вложила. В этом мне помогли бабушка с дедушкой. А идея появилась – не знаю откуда! Но помню, что летом 2012 года мне приснилось, как я еду в автобусе и смотрю на фиолетовую электрическую гитару. А уже в конце этого лета у меня появилась моя собственная гитара.

10 сентября 2013 года я вместе со своей учительницей вышла из музыкальной школы, потому что со мной у неё был последний урок. Нам было немного по пути. Не знаю, называть ли вам имя учительницы? Пожалуй, она останется без имени. Так вот, в тот день 10 сентября я окончательно вы-

брала человека, которому хочу поведать начало своей новой истории и самые сокровенные идеи. Притом это случилось, когда я уже шла домой своей дорогой и вдруг решила позвонить учительнице и попросить её вернуться ненадолго и чуть прогуляться со мной. Она согласилась.

Уже через пять минут я рассказывала вслух прямо посреди улицы (ещё никому я не решилась всё подробно рассказать – Юкка знала лишь десятую часть), как познакомилась в лагере с Ваксфлауэром, сколько ему лет, чем занимается, и какие у нас планы... Наша самая главная и сокровенная идея была: что когда я закончу школу, мы станем жить вместе в городе Т, и в первые годы совместной жизни возьмём ребёнка из детского дома... Учительница отреагировала так, как я представляла... Или нет. Я даже ничего не успела представить. Но она радовалась и переживала за меня одновременно – это чувствовалось. Я стала спокойно выслушивать то, что она говорила. Её основной целью стало – предостеречь меня от того, что может случиться, когда мы возьмём ребёнка из детского дома... Этот ребёнок может быть сыном воров или алкоголиков, и что мы ничего не сможем сделать – он пойдёт по стопам своих биологических родителей. Внутренне я не соглашалась со всем этим. Я верила, что всё возможно. Потому что я была уверена в Ваксфлауэре. Некоторые вещи менялись во мне сами собой, некоторые с его помощью... Но всё это было возможно. К тому же я стала всё больше и больше замечать, что люди вокруг совершенно без

любви – оттого весь этот хаос вокруг. Поэтому, поделившись своими мыслями, мы мирно разошлись по домам, как и двадцать минут назад, а на моём лице была всё та же улыбка, как и после любого занятия... Я была в любви к этому миру. А на душе было легко. С того момента моя учительница постепенно, минимум раз в неделю, стала очевидцем событий, которые происходили в отношениях между мной и Ваксфлауэром.

В моём кошельке, который всегда называли «бабушкиным» из-за необычной формы (хотя я его таковым не считала), всегда лежало мало денег. Около ста или двухсот рублей. Чтобы вы представляли, на что такая сумма могла сгодиться, скажу, что проезд стоил пятнадцать рублей, а один батон, кажется, восемнадцать. Годы шли, и в моём кошельке было столько же денег, а батон стоил уже двадцать рублей... В общем, всё потихоньку дорожало. Как говорят, бедные беднеют, а богатые – богатеют. Это правда. Я всегда это чувствовала на себе. Приходилось решать – ехать куда-то или не ехать, купить мороженое, или не надо... И эти деньги мне не давала мама, обычно карманные деньги появлялись от бабушки. От мамы очень редко. Но помимо кошелька у меня был неприкосновенный запас до поры до времени, который лежал в маленькой коробочке из-под конфет между двумя стопками тетрадей. В этой коробке я ещё хранила все

собранные вкладыши из жвачек «Love is...»⁵. Как понимаете, и деньги, и вкладыши были для меня наравне. Не знаю, почему так вдруг сложилось.

В сентябре 2013 года я обратилась к своему неприкосновенному запасу денег для одного очень важного дела. Я уже успела упомянуть, что Ваксфлауэр родился 27 сентября, кстати, в 1981 году. Это означало, что скоро у него день рождения, и я не могу так просто оставить его без подарка.

⁵ Love is... – турецкая жевательная резинка с вкладышами про любовь. Была популярна в России и СНГ в 1990-х годах, до сих пор производится в Турции и продается в том числе в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.